

Копипаста: Почему спит ребёнок на руках у нищенки? — Lurkmore

В переходе возле станции метро сидит женщина неопределенного возраста. Ей можно дать с ходу и тридцать, и двадцать три, и сорок два. Волосы у женщины спутаны и грязны, голова опущена в скорби. Перед женщиной на заплыванном полу перехода лежит кулек. В кулек сердобольные граждане бросают деньги. И не бросали бы, да на руках женщина держит весомый «аргумент» в пользу того, что ей деньги просто необходимы. На руках у женщины спит ребенок лет двух. Он в грязной шапочке, бывшей когда-то белой, в спортивном костюмчике. Переход — место достаточно оживленное. И течет нескончаемым потоком людская толпа, и звенит мелочь в кульке, и шуршат купюры.

Я ходил мимо женщины около месяца. Я догадывался, кому уходят деньги, жертвуемые многочисленными прохожими. Уж сколько говорено, сколько написано, но народ наш такой — жалостливый. Жалостливый, до слез. Готов народ наш отдать последнюю рубашку свою, последние копейки из кармана вытряхнуть. Подал такому «несчастному» — и чувствуешь, что у тебя все еще не так плохо. Помог, вроде бы как. Хорошее дело сделал...

Я ходил мимо попрошайки месяц. Не подавал, так как не хотел, чтобы на мои деньги какой-нибудь негодяй купил себе кирпича одну штуку, да вставил в стену нового дома-дворца своего. Пускай будет дыра у него в стене, у негодяя этого. Не будет кирпича от меня. Но, судя по тому, как попрошайке подавали, хозяин ее имел уже несколько домов-дворцов.

Ну и попрошайке что-то перепадает, конечно. Бутылка водки на вечер, да шаурма. Хозяева таких «точек» попрошайничества имеют немало, но отличаются жадностью. И жестокостью. На том и держится их супердоходный бизнес. На деньгах да на страхе. Никто из опускающих монетку в кулечек не знает, что «встать» на место возле Владимирского собора невозможно, а хождение по вагонам метро с уныло-тягучим «простите, что я до вас обращаюсь» стоит от 20 долларов в день. Или — знает? В таком случае — знает, но подает?

Никто из добряков, жертвующих «мадонне с младенцем», не задумывается над еще одним вопросом. Над одним несоответствием, буквально бросающимся в глаза. Спустя месяц хождения мимо попрошайки меня вдруг как током ударило, и я, остановившись в многолюдном переходе, уставился на малыша, одетого в неизменно-грязный спортивный костюмчик. Я понял, что именно казалось мне «неправильным», если можно назвать «правильным» уже само нахождение ребенка в грязном подземном переходе с утра до вечера. Ребенок спал. Ни всхлипа, ни вскрика. Спал, уткнувшись личиком в колено той, кто представлялась его мамой. Попрошайка подняла на меня глаза. Наши взгляды встретились. Бьюсь об заклад, она поняла то, что понял я...

У кого из вас, уважаемые читатели, есть дети? Вспомните, как часто они спали в возрасте 1-2-3-х лет? Час, два, максимум три (не подряд) дневного сна, и снова — движение. За весь месяц каждодневного моего хождения по переходу я НИ РАЗУ не видел ребенка бодрствующим! Я смотрел на маленького человечка, уткнувшегося в колено «мамы», и страшное мое подозрение постепенно формировалось в твердую уверенность.

— Почему он спит все время? — спросил я, уставившись на ребенка.

Попрошайка сделала вид, что не расслышала. Она опустила глаза и закуталась в воротник потертой куртки. Я повторил вопрос. Женщина вновь подняла глаза. Она посмотрела куда-то за мою спину. Во взгляде ее явственно читалось усталое раздражение вперемешку с полнейшей отрешенностью. Я впервые видел подобный взгляд. Взгляд существа с другой планеты.

— Пошел на... — произнесла она одними губами.

— Почему он спит?! — я почти кричал...

Сзади кто-то положил руку мне на плечо. Я оглянулся. Мужчина с типичным лицом рабочего с близлежащего завода неодобрительно хмурил седые брови:

— Ты чего к ней пристал? Видишь — и так жизнь у нее... Эх... На вот, дочка, — мужик вытряхнул из своей огромной пятерни монетки. Попрошайка перекрестилась, изобразив на лице смирение и вселенскую скорбь. Мужик убрал ручищу с моего плеча, побрел к выходу из перехода. Дома он расскажет, как защитил угнетенную, несчастную, обездоленную женщину от негодяя в дорогой дубленке.

Милиционер, подошедший ко мне в переходе на следующий день, выразился почти так же, как и его «подопечная» попрошайка. И на свой вопрос я получил исчерпывающее: - Пошел в... А ребенок спал...

Я позвонил знакомому. Это веселый и смешливый человек с глазами-маслинами. Он с горем пополам окончил три класса, и читает с трудом. Полное отсутствие образования не мешает ему передвигаться по улицам города на очень дорогих иномарках и жить в домике с бесчисленным количеством окон, башенок и балкончиков. Знакомый был весьма удивлен моей уверенностью в том, что весь без исключения подобный бизнес контролируют представители его национальности. Я узнал, что в Киеве попрошайек «держат» и молдаване, и украинцы. Причем, первые специализируются, в основном, на «инвалидах войны». Мы часто видим их на переходах и светофорах, снующими буквально под колесами машин. Мнимые афганцы «работают» также и в метрополитене.

Всевозможными «больными», хромыми и «приехавшими делать операцию» заведуют с равным успехом как украинцы, так и цыгане. Бизнес этот, несмотря на кажущуюся стихийность, четко организован. Курируется попрошайничество организованными преступными группировками, и деньги, брошенные полунищими прохожими в кулечек «обездоленного инвалида», уходят «наверх». Причем, настолько «наверх», что, узнай об этом сердобольный прохожий, он потерял бы сознание от удивления. Детей берут в «аренду» у семей алкоголиков, или попросту воруют. Но это все, что говорится, цветочки. Мне нужно было получить ответ на вопрос — почему спит ребенок? И я его получил. Причем, мой знакомый цыган произнес фразу, повергнувшую меня в шок, вполне обыденно, спокойным голосом. Как о погоде сказал: — Или под героином, или под водкой...

Я остолбенел. «Кто под героином? Кто — под водкой?!»

— Ребенок. Чтобы не кричал, не мешал. Ей с ним целый день сидеть, представляешь, как он надоест может?

Для того чтобы ребенок спал весь день, его накачивают водкой. Или — наркотиками. Разумеется, что детский организм не способен справляться с таким шоком. И дети часто умирают. Самое страшное — иногда умирают днем, среди «рабочего дня». И мнимая мать должна досидеть с мертвым ребенком на руках до вечера. Таковы правила. И идут мимо прохожие, и бросают мелочь в кулек, и считают, что поступают благородно. Помогают «матери-одиночке»...

... На следующий день я стоял в переходе возле станции метро Л. Милиционера, ответившего мне вчера ругательством, не было видно. Я запасся журналистским удостоверением, и был готов к серьезному разговору. Но разговора не получилось. А получилось следующее... У женщины на руках лежал ДРУГОЙ ребенок. Мои вопросы попрошайка попросту игнорировала с отрешенным лицом. Меня интересовали документы на ребенка, и, самое главное — где вчерашний малыш?

Попрошайка вопросы игнорировала, зато их не игнорировали торговки, стоявшие рядом. От женщины, торгующей трусиками, я узнал, что мне следует, мягко говоря, удалиться из перехода. К возгласам торговки подключились ее негодующие соседки по ремеслу. Следом за ними — прохожие преклонных лет. В общем, я был с позором выдворен из перехода. Оставалось одно — звонить 02 или искать милицейский патруль. Но милиция нашла меня сама. Сержант, любитель посылать в..., подошел ко мне и спросил документы. Я документы предоставил, и высказал свое мнение по поводу нахождения женщины с ребенком в переходе. Сержант со мною согласился, и... отправился звонить кому-то. Я стоял перед переходом, с полным ощущением того, что пытаюсь бороться с ветряными мельницами. Спустя несколько минут в переходе не было уже ни торговки, ни попрошайки со спящим ребенком...

Когда вы видите в метро ли, на улице ли женщин с детьми, просящих милостыню, задумайтесь, прежде чем ваша рука полезет за деньгами. Подумайте о том, что не будь вашего и сотен тысяч подаяний, и бизнес этот умер бы. Умер бы бизнес, а не дети, накачанные водкой или наркотиками. Не смотрите на спящего ребенка с умилением. Смотрите с ужасом. Ибо вы, прочитавшие эту статью, знаете теперь — почему спит ребенок...

© Анатолий Шарий

Читать ещё

- [Ня, смерть!](#)